

О ПОРЯДКЕ ЧТЕНИЯ ЦИКЛА «РУГОН-МАККАРЫ»

Работа над романами цикла «Ругон-Маккары» заняла у Эмиля Золя больше двадцати лет и не происходила линейно: за вычетом хронологически первого и последнего романов, созданных, соответственно, первым и последним, порядок появления частей цикла не всегда соответствовал хронологии описываемых событий. Традиционно цикл издается в порядке написания, однако в этом и дальнейших изданиях мы предпочли руководствоваться его внутренней хронологией. Такой порядок чтения сам автор описывает в финальном романе цикла «Доктор Паскаль» и, по утверждению Эрнеста Альфреда Визетелли, английского переводчика и друга Золя (см. критическую биографию *Émile Zola, Novelist and Reformer: An Account of His Life and Work* by Ernest Alfred Vizetelly, 1904, гл. XI), неоднократно рекомендовал на словах.

Карьера Ругонов (*La Fortune des Rougon*, 1871)

Его превосходительство Эжен Ругон (*Son Excellence Eugène Rougon*, 1876)

Добыча (*La Curée*, 1871–1872)

Деньги (*L'Argent*, 1891)

Мечта (*Le Rêve*, 1888)

Покорение Плассана (*La Conquête de Plassans*, 1874)

Пена (*Pot-Bouille*, 1882)

Дамское Счастье (*Au Bonheur des Dames*, 1883)

Проступок аббата Муре (*La Faute de l'abbé Mouret*, 1875)

Страница любви (*Une page d'amour*, 1878)

Чрево Парижа (*Le Ventre de Paris*, 1873)

Радость жизни (*La Joie de vivre*, 1884)

Западня (*L'Assommoir*, 1877)

Творчество (*L'Œuvre*, 1886)

Человек-зверь (*La Bête humaine*, 1890)

Жерминаль (*Germinal*, 1885)

Нана (*Nana*, 1880)

Земля (*La Terre*, 1887)

Разгром (*La Débâcle*, 1892)

Доктор Паскаль (*Le Docteur Pascal*, 1893)

ПРОСТУПОК АББАТА МУРЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ФРАНЦУЗСКИХ ХУДОЖНИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Вошла Теза и приставила щетку и метелочку к алтарю. Она замешкалась, делая приготовления к большой полугодовой стирке, и теперь ковыляла через всю церковь, торопясь прозвонить «Angelus»¹. В спешке она хромала больше, чем обычно, и задевала за скамьи. Около исповедальни с потолка спускалась веревка, ничем не обернутая, истрепанная, с толстым узлом на конце, захватанным руками и засаленным. Теза повисла на ней всей своей тяжестью, дернула раз, другой, а потом стала мерно раскачиваться, путаясь ногами в юбках. Чепец у нее сбился на сторону, широкое лицо налилось кровью.

На ходу поправив чепец, Теза, тяжело дыша, возвратилась к алтарю и принялась перед ним мести. Пыль ежедневно скапливалась тут — в щелях плохо сколоченных досок помоста. Щетка шарила по углам и точно сама раздраженно ворчала. Затем Теза приподняла покров с престола и даже рассердилась, увидев, что верхняя напрестольная пелена, и без того заштопанная в двадцати местах, снова прорвалась от ветхости в самой середине; сквозь дыру виднелась сложенная вдвое нижняя пелена, до такой степени редкая и прозрачная, что через нее просвечивал освященный камень, вставленный в престол из раскрашенного дерева. Она обмахнула метелочкой эти порывевшие от времени пелены и с силой провела ею вдоль ступени, на которую раньше составила футляры с престола. И, наконец, взобравшись на стул, сняла с креста и двух подсвечников

¹ «Ангел» (лат.) — начальные слова молитвы в честь Богородицы; перезвон колоколов.

желтые чехлы из бумажной ткани. Медь вся была покрыта какими-то тусклыми пятнами.

— Да, их давно пора вычистить, — пробормотала вполголоса Теза. — Ладно, потру как-нибудь красной глиной.

Тяжело припадая на одну ногу, так, что гудели плиты, она побежала в ризницу за требником. Не раскрывая книги, она положила ее на аналой, рядом с «Апостолом», обрезом внутрь. Потом зажгла две свечи. Унося щетку, Теза огляделась вокруг, желая удостовериться, что хозяйство Господа Бога в полном порядке. Церковь спала; только веревка возле исповедальни все еще раскачивалась, от сводов к полу, медленно и плавно.

Аббат Муре только что сошел в ризницу, маленькую холодную комнату, отделенную от трапезной одним коридором.

— Доброе утро, господин кюре, — сказала Теза, ставя в угол метлу. — Нынче вы что-то лентя празднуете! Знаете, ведь уже четверть седьмого.

И, не давая молодому улыбавшемуся священнику ответить, продолжала:

— Вас стоит пожурить. Пелена опять разорвалась. Куда это годится! У нас только одна на смену: я уж третий день глаза себе порчу, все штопаю ее... Так вы, чего доброго, оставите бедного Господа нашего Иисуса Христа и вовсе голым!

Аббат Муре, не переставая улыбаться, весело проговорил:

— Иисусу Христу не надобно столько покровов, моя добрая Теза! Любите его, и ему будет тепло: наша любовь согревает его лучше всяких покровов.

Потом, направляясь к небольшому рукомоЙнику, он спросил:

— Что, сестрица встала? Я ее еще не видел.

— Мадемуазель Дезире уже давно на ногах. — Говоря это, Теза стояла на коленях перед старым кухонным шкафом, в котором были сложены священные одеяния. — Она спустилась к своим курам и кроликам... Ждет цыплят со вчерашнего дня, а их все нет как нет. Само собой, очень волнуется.

И другим тоном добавила:

— Вам ризу золотую?

Священник, уже вымывший руки и сосредоточенно вполголоса читавший молитву, утвердительно кивнул головой. В при-

ходе было всего три ризы: лиловая, черная и золотая. Последняя служила и по тем дням, когда предписывались белая, красная и зеленая, — и потому ее особенно берегли. Теза благоговейно сняла ризу с полки, застланной синей бумагой, куда укладывала ее после каждого богослужения, и положила на шкаф, осторожно отделив от вышитой парчи тонкое полотно, в которое риза была завернута. Показался золотой агнец, спящий на золотом кресте и окруженный широким золотым сиянием. Ткань изнасилась на складках и образовала вокруг них бахрому; выпуклые украшения порядочно стерлись и потускнели. Эта риза служила предметом тревожных забот всего дома: все ужасались, видя, как блестки одна за другой слетают с нее. Священнику приходилось надевать ее почти ежедневно. А чем ее заменить, когда изорвутся последние золотые нити? На какие средства купить три ризы, которые она одна заменяла?

Поверх ризы Теза разложила епитрахиль, орарь, поясной шнур, стихарь и нарамник. Она не переставала болтать, хотя и укладывала в это время орарь в виде креста на епитрахили и располагала гирляндю шнур так, чтобы он изобразил заглавную букву святого имени Девы Марии.

— И шнур уже никуда не годится! — бормотала она. — Пора бы вам решиться купить новый, господин кюре... Будь у меня конопля, я бы сама его сплела, дело нехитрое.

Аббат Муре не ответил. Он приготавливал на столике чашу — большую старинную, позолоченного серебра, чашу на бронзовой подставке. Он только что вынул ее из белого деревянного шкафа, где хранились священные покровы и сосуды, миро, требники, подсвечники, кресты. Он накрыл чашу чистым платом, поставил сверху серебряный, вызолоченный дискос, на котором лежала облатка, и прикрыл ее малым холщовым платом. Когда он покрывал чашу, зашпиывая две складки парчового плат, подобранного по цвету и виду к ризе, Теза воскликнула:

— Пойдите, в футляре нет антиминса!.. Вчера вечером я собрала все покровы, платы и антиминсы, чтобы выстирать их, разумеется, отдельно от остального белья... Я вам еще не говорила, господин кюре: ведь я уже начала стирать. Громадная стирка будет! Почисте, чем в прошлый раз!

И пока священник опускал антиминс в футляр, украшенный золотым крестом на золотом же фоне, и ставил этот футляр на покров, Теза поторопилась сказать:

— Кстати, я и забыла! Этот постреленок Венсан не пришел. Хотите, я помогу вам служить обедню, господин кюре?

Молодой священник строго взглянул на нее.

— Да ведь тут нет греха! — продолжала она со всегдашней своей доброй улыбкой. — Я это уже однажды делала при господине Каффене. Я, право, лучше служу, чем эти сорванцы: они смеются, точно язычники, при виде мухи, залетевшей в церковь... Не смотрите, что я в чепце, что мне стукнуло шестьдесят и что я толста, как башня, — Господа Бога я почитаю побольше, чем эти негодники мальчишки! Еще намереди я их застала в алтаре, они там в чехарду играли.

Священник продолжал глядеть на нее, отрицательно покачивая головой.

— Дыра какая-то эта деревушка, — ворчала она, — в ней и полтора душа не наберется. Случается, за целый день, вот как сегодня, живого человека не встретишь. Даже грудных младенцев — и тех тащат в виноградники! Хотела бы я знать, что они там делают, в этих виноградниках! Лозы торчат между камнями, сухие, как чертополох! Вот уж поистине волчье логово это Арто, ведь отсюда не меньше лье до ближайшей дороги... Разве что ангел сойдет с небес помочь отслужить вам обедню, господин кюре! Не то, право, никого, кроме меня, не дождетесь! Вот только, может, кролика нашей барышни, не в обиду вам будь сказано.

Но как раз в эту минуту Венсан, младший из братьев Брише, тихонько отворил дверь ризницы. Увидав его всклокоченные рыжие волосы и узкие серые глазки, в которых так и прыгали огоньки, Теза вскипела.

— Ах безбожник! — закричала она. — Бьюсь об заклад, что ты уже успел набедокурить!.. Ну,ходи,ходи скорей, бездельник! А то господин кюре боится, как бы я не осквернила Господа Бога!

При виде мальчугана аббат Муре взял нарамник. Он приложился к вышитому посредине кресту, с минуту подержал одея-

ние над головой и, опустив его на воротник рясы, скрепил ленты крест-накрест, правую поверх левой. Затем, начав с правой руки, надел стихарь — символ непорочности. Венсан присел на корточки и вертелся вокруг священника, поправляя стихарь и следя, чтобы он со всех сторон ниспадал ровными складками не ниже чем на два пальца от пола. После чего он подал аббату шнур, которым тот крепко-накрепко препоясал чресла — в память уз, наложенных на Спасителя во время его Страстей.

Теза стояла рядом. Она была уязвлена, мучилась ревностью и едва сдерживалась. Впрочем, язык у нее так и чесался, и долго сохранить молчание она не могла.

— Приходил брат Арканжиас... Сегодня в школе у него ни одного ученика не будет. Вот он и помчался, словно буря, в виноградники надрать уши всей этой мелюзге... Вам бы надо с ним повидаться. Ему, видно, хочется кое-что сообщить.

Аббат Муре жестом приказал ей замолчать. Сам он больше не разжимал губ. Он тихо прочел положенные молитвы, взял орарь, приложился к нему и надел на левую руку повыше локтя, посвящая себя на добрые дела. Затем скрестил на груди епитрахиль — символ священнического сана и власти, — также предварительно приложившись к ней. Когда понадобилось укрепить ризу, Теза поспешила на помощь Венсану: она тонкими шнурами привязала ее так, чтобы та не спадала назад.

— Пресвятая Дева! Я позабыла сосуды! — пробормотала она и бросилась к шкафу. — Живее, пострел!

Пока Венсан наполнял сосуды из толстого стекла, она поспешно вытащила из ящика чистый плат. Аббат Муре, держа чашу снизу левой рукой и возложив персты правой на футляр с антиминсом, сделал, не снимая скуфьи, низкий поклон перед распятием из черного дерева, висевшим над шкафом. Мальчик тоже поклонился; затем первым вышел из ризницы, неся покрытые платом сосуды. За ним, в глубоком благоговении, опустив глаза долгу, последовал священник.

II

В это майское утро пустая церковь так и сверкала белизной. Веревка возле исповедальни перестала раскачиваться. Направо от дарохранительницы, у самой стены, красным пятном горела лампада из цветного стекла. Венсан отнес сосуды на жертвенник, сошел налево, на нижнюю ступень, и опустился на колени. А священник, преклонив колено на каменном полу церкви перед святыми дарами, поднялся затем к престолу, разостлал антиминс и поставил посреди него чашу. Потом со служебником в руках вновь сошел вниз, опустился на колени и истово перекрестился. Затем молитвенно сложил на груди руки и приступил к великому божественному действию, с лицом, бледным от веры и любви:

— Introibo ad altare Dei¹.

— Ad Deum qui loetificat juventutem meam², — пробормотал Венсан. Он проглатывал ответы на антифоны и псалом, потому что то и дело поворачивался на пятках и озирался на шмыгавшую по церкви Тезу.

Старуха с беспокойством поглядывала на одну из свечей. Ее тревога, казалось, усилилась, когда священник, склонившись в земном поклоне и вновь сложив руки, стал произносить «Confiteor»³. Теза также остановилась, ударила себя в грудь, наклонила голову, но продолжала следить за свечой. Торжественный голос священника и бормотание прислужника еще некоторое время сменяли друг друга.

¹ Вниду ко алтарю Господню (*лат.*).

² К Богу, который радует юность мою (*лат.*).

³ «Исповедую» (*лат.*) — католическая молитва при исповеди.

— Dominus vobiscum¹.

— Et cum spiritu tuo².

Затем священник, расставив руки и вновь соединив их, произнес с чувством умиления и сердечным сокрушением:

— Oremus...³

Теза не в силах была дольше сдерживаться. Она прошла за алтарь, дотянулась до свечи и обстригла фитиль кончиком ножниц. Свеча оплывала. Две большие восковые слезы уже скатились с нее. Теза вернулась на середину церкви, стала поправлять скамейки, осмотрела, полны ли кропильницы. А священник приблизился к алтарю, возложил руки на пелену престола, помолился шепотом и затем прикоснулся к ней губами.

Позади него внутренность церковки по-прежнему озарялась бледным утренним светом. Солнце поднялось только до уровня черепичных крыш. «Kyrie eleison»⁴ трепетно прозвучало в этом жалком строении, напоминавшем сарай с оштукатуренными стенами и плоским потолком, на котором виднелись выбеленные балки. С каждой стороны было по три высоких окна с обыкновенными стеклами, по большей части треснувшими или разбитыми; они пропускали какой-то резкий белеватый свет. Солнечные лучи врывались в них бурно и обнажали нищету Божьего дома в этой затерянной деревушке. В глубине, над главным, никогда не отворявшимся входом, порог которого зарос травой, возвышались дощатые хоры, куда вела крутая лестница. Они занимали пространство от одной стены до другой; по праздникам доски так и скрипели под деревянными башмаками прихожан. Неподалеку от лесенки помещалась крашеная в лимонно-желтый цвет исповедальная с разошедшимися филёнками. Напротив, возле низенькой двери, стояла купель, старинная кропильница на каменной подставке. А посреди церкви, справа и слева, высились два небольших алтаря, окруженных деревянной балюстрадой. В левом

¹ Господь с вами (*лат.*).

² И со духом твоим (*лат.*).

³ Помолимся... (*лат.*)

⁴ «Господи помилуй» (*греч.*).

приделе, посвященном Святой Деве, находилась гипсовая позолоченная статуя Божьей Матери: на ее каштановых локонах золотилась корона, левой рукой она поддерживала младенца Иисуса, нагого и улыбающегося; маленькой ручкой он возносил звездную сферу вселенной. Богоматерь ступала по облакам; у ног ее виднелись головки крылатых херувимов. Над правым алтарем, где служились панихиды, возвышалось распятие из раскрашенного картона. Христос, словно дополнявший Мадонну из левого придела, был величиной с десятилетнего ребенка; он был изображен в страшной агонии, с закинутой назад головой, с выдававшимися вперед ребрами, с запавшим животом, со скрюченными, забрызганными кровью руками и ногами. В церкви имелась еще кафедра — четырехугольный ящик, на который надо было взбираться по лесенке из пяти ступенек. Кафедра возвышалась против стенных часов с гирями, заключенных в футляр орехового дерева. Глухие удары маятника напоминали биение огромного сердца, которое, казалось, было спрятано где-то под плитами пола и сотрясало церковь. Вдоль всей средней части церкви тянулось четырнадцать грубо намалеванных картин в черных багетовых рамах, изображавших четырнадцать этапов крестного пути. Эти «Страсти Господни» оттеняли желтыми, синими и красными пятнами резкую белизну стен.

— *Deo gratias*¹, — пробормотал Венсан по окончании «Апостола».

Близилась евхаристия — заклятие святого агнца. Венсан взял служебник и положил его налево, рядом с Евангелием, при этом он старался не дотронуться до листов книги. Проходя мимо дарохранильницы, он всякий раз торопливо преклонял колени и сгибался в поклоне. Затем он перешел на правую сторону церкви и, скрестив руки, смиренно слушал чтение Евангелия. Священник осенил служебник крестным знаменiem и перекрестился сам: особо перекрестил он чело в знак того, что никогда не будет стыдиться Божественного глагола; уста —

¹ Богу благодарение (*лат.*).

дабы показать постоянную готовность исповедовать истинную веру; сердце — указывая этим, что оно всецело принадлежит Господу Богу.

— Dominus vobiscum, — сказал он и обернулся. Взор его утонул в холодной, пустынной белизне церкви.

— Et cum spiritu tuo, — ответил Венсан, снова опускаясь на колени.

Произнеся молитвы проскомидии, священник открыл чашу. С минуту он подержал на уровне груди дискос с причастием — жертвою, которую он вознес Богу за себя, за присутствующих и за всех верующих, живых и мертвых. Затем, не дотрагиваясь пальцами до облатки, он сделал движение, от которого она соскользнула к краю антиминса, взял чашу и бережно вытер ее платом. Венсан, подойдя к жертвеннику, снял и начал передавать пастырю сосуды — сначала склянку с вином, затем с водою. И тогда пастырь принес жертву за весь мир — наполненную до половины чашу, которую он водрузил на середину антиминса и покрыл воздухами. Затем, помолившись еще, омыл тонкой струей воды кончики большого и указательного пальцев каждой руки, дабы очиститься от малейших пятен греха. Когда священник вытерся платом, Теза, дожидавшаяся этого, вылила воду в цинковое ведро, стоявшее в углу алтаря.

— Orate, fratres¹, — громко возгласил священник и, обратившись к пустым скамьям, распростер и вновь соединил руки, призывая к молитве усердных прихожан.

Затем он повернулся к алтарю и продолжал службу, понизив голос. Венсан пробормотал длинную латинскую фразу и запутался в ней. И в эту минуту в окна церкви хлынули желтые лучи. На призыв священника к обедне пришло солнце. Оно залило широкими золотыми потоками левую стену, исповедальню, алтарь Девы Марии, большие часы. В исповедальне что-то хрустнуло. Богоматерь, в сиянии славы, в блеске короны и золотой мантии, нежно улыбнулась младенцу Иисусу нарисованными губами. Часы тоже согрелись и словно пошли

¹ Помолимся, братие (лат.).

быстрее. Казалось, солнце населило скамьи пылинками, и они закружились и заплясали в его лучах. Скромная церковь, напоминавшая выбеленный сарай, будто наполнилась живой толпой. Снаружи доносился веселый шум просыпающихся полей: привольно вздыхали травы, обогревались на солнышке листья, приглаживали свои перышки и вспархивали птицы. Вместе с солнцем в церковь вошла и сама природа. У одного из окон высилась могучая рябина, ветви ее просунулись в разбитые стекла, и почки точно пытались заглянуть внутрь; а в скважины пола из-под двери пробивалась с паперти трава, грозя заполнить собою церковь. Среди этой торжествующей жизни один лишь великий Христос, оставаясь в полумраке, напоминал о смерти, выставляя напоказ страдания своей намалеванной охрой и затертой лаком плоти. В разбитое окно влетел воробей; поглядел и упорхнул, но тотчас же вновь появился, бесшумно полетал по церкви и опустился на скамью перед алтарем Девы Марии. За ним последовал другой. И вскоре со всех ветвей рябины слетелись воробьи и без страха запрыгали по плитам пола.

— Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus Deus Sabaoth¹, — произнес священник вполголоса и слегка наклонил плечи.

Венсан трижды прозвонил в колокольчик. Воробьи, испуганные этим внезапным звоном, упорхнули с таким шумом, что Теза, ушедшая было в ризницу, возвратилась оттуда, ворча:

— Негодники! Они все перепачкают... Бьюсь об заклад, это наша барышня опять набросала им хлебных крошек.

Приближалась грозная минута. Тело и кровь Бога нисходили на алтарь. Священник приложился к пелене, соединил руки, многократно осеняя крестным знамением и чашу и дискос. Он совершал теперь положенные молитвы, охваченный смирением и признательностью к Господу. Его движения и позы, прерывающийся голос — все говорило о том, каким он чувствует себя ничтожным и какое испытывает волнение оттого, что избран для столь высокого деяния. Венсан опустился по-

¹ Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф (лат.).

зади священника на колени и, слегка поддерживая его ризу левой рукой, приготовился звонить в колокольчик. А тот, опершись локтями о край престола, взял облатку указательным и большим пальцами обеих рук и произнес священные слова: «*Nos est enim corpus meum*»¹. Затем, преклонив колени, медленно поднял дискос с причастием над собой, как только мог выше, не переставая смотреть на него. В это время прислужник, простершись на полу, трижды прозвонил в колокольчик. После этого священник снова положил на престол локти, поклонился, поднял чашу, на этот раз следя глазами за нею, и, сжимая правой рукой подставку, которую поддерживал левой, освятил вино: «*Hic est enim calix*»². Прислужник в последний раз трижды прозвонил.

Вновь совершилось великое таинство искупления, вновь пролилась Божественная кровь.

— Вот я вас! — ворчала Теза, грозя кулаком воробьям.

Но воробьи больше ничего не боялись. В самый разгар звона они нахально возвратились в церковь и запрыгали по скамьям. Всякий раз звон колокольчика будто радовал их, и они отвечали на него громким чириканьем, — казалось, это уличные мальчишки перебивают латынь священника своим жемчужным смехом. Солнце пригревало птицам перышки; кроткая бедность церкви словно очаровывала их, здесь они вели себя как дома, как в овине, где оставили открытым слуховое окно: они чирикали, дрались и ссорились из-за крошек, рассыпанных на полу. Один воробей уселся на золотое покрывало улыбавшейся Пречистой Девы, другой затеял возню возле юбок Тезы, которую такая дерзость окончательно вывела из себя. И лишь душевно сокрушенный священник, устремив пристальный взор на святое причастие и соединив большой и указательный пальцы, не слышал возни внутри церкви; стоя в алтаре, он не замечал ни теплого майского утра, ни потоков солнечного света, ни вторжения зелени, ни птиц у самого

¹ «Ибо сие есть тело мое» (лат.).

² «Ибо сие есть чаша» (лат.).

подножия Голгофы, где осужденная на смертную муку плоть билась в агонии.

— *Per omnia saecula saeculorum*¹, — провозгласил священник.

— *Amen*², — отвечал Венсан.

Окончив «*Pater*»³, священник положил облатку поверх чаши и преломил ее пополам. От одной из половинок он отделил частицу и уронил ее в святую кровь в знак тесного союза, который собирался заключить с Богом через причастие. Затем он громко прочитал «*Agnus dei*»⁴ и совсем тихо — три остальные предписанные молитвы; он воскорбел о собственном ничтожестве и покаялся, после чего, опершись о престол локтями и подставив дискос под самый подбородок, причастился сразу обеими половинами облатки. Затем, подняв руки к лицу в горячей молитве, собрал на антиминсе при помощи дискоса священные частицы, отделенные от причастия, и положил их в чашу. Одна частица пристала к его большому пальцу; кончиком указательного он снял ее. Перекрестив себя чашей, он вновь поднес дискос к подбородку и в три глотка, не отрывая губ от чаши, осушил ее до дна, приобщившись к драгоценной крови и телу Господню.

Венсан встал, чтобы взять сосуды с жертвенника. Но внезапно дверь из коридора, соединявшего церковь с жилищем священника, отворилась настежь, коснувшись стены, и в проходе показалась красивая девушка лет двадцати двух, с ребяческим выражением лица, что-то прятавшая в переднике.

— Целых тринадцать! — воскликнула она. — Все яйца были хорошие!

Отвернув передник, она показала выводок цыплят: птенцы шевелили крылышками, покрытыми нежным пушком, и смотрели черными бусинками глаз.

¹ И во веки веков (*лат.*).

² Аминь (*лат.*).

³ «Отче наш» (*лат.*).

⁴ «Агнец Божий» (*лат.*) — начальные слова молитвы.

— Поглядите! Какие милашки, просто душечки!.. Вот этот беленький уже взбирается на спинки других! А тот, пестренький, уже хлопает крылышками!.. Дивные яйца. Ни одного болтуна!

Теза, все же помогавшая служить обедню, передавая Венсану сосуды для омовения, обернулась и громко сказала:

— Помолчите, мадемуазель Дезире! Сами видите, мы еще не закончили!

Крепкий запах скотного двора, словно свежее дуновение жизни, проникал в церковь через раскрытую дверь вместе с падавшими на алтарь теплыми лучами солнца. С минуту Дезире постояла, любуясь принесенным ею выводком и глядя, как Венсан наливает вино очищения, а брат пьет его, чтобы во рту не осталось ничего от Святых Даров. Она все еще стояла, когда он возвратился, держа чашу обеими руками, дабы принять на большой и указательный пальцы вино и воду омовения, которые он также выпил. Но тут курица, искавшая своих цыплят, закудахтала поблизости, угрожая вторгнуться в церковь. Тогда Дезире удалилась, осыпая птенцов материнскими ласками. В это время священник приложил плат к губам, а затем вытер им края и дно чаши.

Обедня заканчивалась, пастырь возглашал благодарение Богу. Венсан в последний раз принес служебник и положил его справа. Священник накрыл чашу платом, диском и воздухами; затем снова зашипнул на покрове две широкие складки и опустил на него футляр, в который вложил антиминс. Все его существо выражало горячую благодарность. Он испрашивал у Неба отпущения грехов, праведной жизни на земле и приобщения к вечному блаженству. Он все еще был поглощен чудом Божественной любви, непрерывным жертвенным закланием, ежедневно питавшим его кровью и плотью Спасителя.

Прочитав молитвы, он обернулся и произнес:

— *Ite, missa est*¹.

¹ Ступайте, обедня окончена (*лат.*).

— Deo gratias, — отвечал Венсан.

Священник повернулся и приложился к престолу, затем снова вышел вперед. Протянув правую руку, а левую держа пониже груди, он благословил церковь, полную солнечного света и воробьиного гама:

— Benedicat vos omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus¹.

— Amen, — ответил прислужник и перекрестился.

Солнце поднималось все выше, и воробьи совсем осмелели. Священник читал на левом аналое Евангелие от Иоанна, возвещавшее о вечности Слова. А тем временем солнечные лучи залили весь алтарь, осветили створки, отделанные под мрамор, и совсем поглотили огоньки двух свечей: теперь их короткие фитили казались двумя темными пятнами. Торжествующее светило ярко озаряло крест, подсвечники, ризу, покровы на чаше, и все это золото меркло под его лучами. А когда священник, взяв чашу и преклонив колено, с покрытой головою, вышел из алтаря в ризницу, предшествуемый прислужником, который нес плат и сосуды, — дневное светило осталось единственным властелином церкви. Лучи его позолотили пелену, зажгли блеском дверцу дарохранительницы, славя плодородие мая. От плит веяло теплом. По оштукатуренным стенам, по статуе Пречистой Девы и даже по распятию пробегал трепет жизни, будто сама смерть была побеждена вечной юностью земли.

¹ Да благословит вас Господь всемогущий, Отец, и Сын, и Святой Дух (лат.).